

пать в противоречия с этой оценкой. В словарном составе языка есть слова «органически экспрессивные». Оценка действительности дана в самом их значении. Пометы «пренебр.», «презр.», «неодобр.», данные в словаре к словам: *головотяп* (разг. пренебр.), *подлец* (разг. презр.), *головорез* (разг. неодобр.) и др., в сущности ничего не прибавляют к тому, что дано самим значением этих слов. Характеристика же экспрессии этих слов при помощи таких помет не может не быть несколько субъективной (например, при *бездарный* «лишенный таланта, дара», *бестактный* «лишенный такта, чуткости, чувства приличия» с одинаковым основанием можно было бы дать помету: «неодобр.», «презр.», «пренебр.»; слово *бесчинство* «грубое нарушение общественного порядка» получило помету «неодобр.», тогда как выражаемое этим словом явление могло бы заслужить более сильную экспрессивную оценку. При *непутевый* «легкомысленный, беспутный, разгульный» дана помета об употреблении этого слова в просторечии, но нет его оценочной квалификации при помощи принятых в словаре ремарок; слово *маниловщина* сопровождается пометой «неодобр.», а при глаголе *донкишотствовать* пометы нет, хотя это слово не является в экспрессивном отношении нейтральным.

Замечания, возникающие при ознакомлении со «Словарем русского языка» С. И. Ожегова, не затрагивают основного содержания этого большого труда, в основном заслуживающего положительной оценки у научной критики и у того широкого круга читателей, на который словарь рассчитан. Однако новое издание словаря потребует от автора тщательной доработки и значительного усовершенствования некоторых из выдвинутых им принципов составления краткого нормативного толкового словаря.

Р. Р. Гелгардт

С. Д. Никифоров. *Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века.* — М., Изд-во АН СССР, 1952. 344 стр. (Ин-т языкознания.)

Большой труд С. Д. Никифорова посвящен интересной и важной проблеме. Грамматический строй русского языка XVI в. изучен недостаточно, в частности это относится к категориям и формам глагола данного периода. Таким образом, рецензируемая книга покойного автора, историка русского языка, заслуживает особого внимания.

С. Д. Никифоров изучил важнейшие памятники всех жанров второй половины XVI в. Это позволило ему сделать ценные наблюдения над употреблением тех или иных глагольных форм в произведениях различных жанров, установить, для каких жанров отдельные формы не являлись характерными, какие из форм уже не принадлежали разговорному языку.

Автор указывает, что «в ряде случаев в данном исследовании глагольные формы памятников второй половины XVI в. сопоставляются по составу, семантике и функциям с соответственными диалектными формами» (стр. 9). Нельзя не выразить сожаления, что такое сопоставление проводится лишь «в ряде случаев», что, анализируя факты древнерусского языка, исследователь не разграничивает, какие из них являются принадлежностью общенародного русского языка и какие встречаются лишь в отдельных диалектах.

Автор не смог в полном объеме решить весьма ответственную задачу — проследить глагольные формы в их историческом развитии, хотя совершенно отчетливо представлял себе, что «только историческое изучение может раскрыть внутренние законы, по которым развивался русский язык» (стр. 3). Главное внимание в исследовании уделено характеристике глагола во второй половине XVI в., в меньшей степени — глаголу более раннего периода, причем автор во всех частях своей книги стремится установить, что является нормой для русского языка второй половины XVI в., что должно рассматриваться как пережиток, каков дальнейший путь развития того или иного языкового явления.

С. Д. Никифоров не ограничивается в исследовании рамками морфологии, а затрагивает и решает ряд весьма актуальных вопросов синтаксиса, рассматривая функционирование глаголов в предложении, в определенных случаях учитывая нахождение глагольного слова «в цельной по значению (и поэтому объединенной интонационно) части предложения — синтагме, в составе которой глагольное слово получает первичную конкретизацию» (стр. 11). Совершенно правильно подчеркивает автор: «Единицей языка как средства общения является предложение. Предложения могут сообщать о познанном явлении объективной действительности и могут выражать эмоции и побуждения. В составе предложения реализуются слова с их структурно-семантическими возможностями» (стр. 10).

Прежде чем перейти к рассмотрению отдельных глав исследования С. Д. Никифорова, остановимся на принятой им, но исторически мало обоснованной системе стилистических помет. Эти пометы (у автора они часто весьма дифференцированы: высокий, или литературно-книжный стиль, стиль церковных официальных документов, стиль

деловой письменности — канцелярский, характерный разговорно-бытовыми формами и лексикой, и т. д.), вполне уместные при изучении языка XVIII в., только затрудняют, как мы полагаем, выяснение вопроса о нормах литературного языка XVI в.

В первой главе своего труда (стр. 13—34) С. Д. Никифоров рассматривает з а л о г и, причем решает вопросы о том, что представляла собой во второй половине XVI в. категория залога, в каком состоянии находилась в эту эпоху агглютинация с я к глаголам, какие залого глагола наличествовали в разговорной и в книжной речи, а какие — только в книжной, когда страдательность (пассивность) подлежащего выражалась страдательными причастиями, а когда — формами возвратно-страдательного залога.

Наибольший интерес представляют выводы об агглютинации с я, подкрепленные очень большим количеством примеров как из памятников второй половины XVI в., так и из более ранних памятников XV в. (из грамот). С. Д. Никифоров установил, что процесс агглютинации с я во второй половине XVI в. еще не был полностью завершен, хотя нормой языка и была агглютинация с я к глаголу. Несомненно ценными являются наблюдения автора над употреблением синонимичных конструкций — конструкций со сказуемым в личной форме возвратно-страдательного глагола и со сказуемым — страдательным причастием (преобладающий способ выражения страдательности).

В этой главе содержится много тонких наблюдений, которые остановят внимание читателя. К таким наблюдениям мы относим замечания автора о том, что действующее лицо обязательно бывает выражено родительным падежом с предлогом *от*, когда в предложении налицо относящееся к предикату — страдательному причастию орудие (или причина) действия, имеющее форму творительного падежа без предлога (*Оба ножем зарезаны от большого сына своего Мамотьяка* и др.). Особенный же интерес представляют выводы автора и приведенные им примеры, свидетельствующие о том, что при отсутствии в предложении реального производителя действия страдательное значение глагола поддерживается контекстом. Автор, к сожалению, не останавливается на оттенках значения в синонимичных конструкциях — с реальным производителем действия и без реального производителя действия. К тонким и интересным наблюдениям автора мы относим и его выводы об употреблении *сам* в случаях, когда с я не агглютинировалось, и в случаях, когда агглютинация произошла.

Следует, однако, отметить как недостаток главы, что С. Д. Никифоров, приняв полностью определение залога, данное А. А. Потемной, рассматривает залого русского глагола XVI в. почти исключительно в плане синтаксическом, уделяя глагольному словообразованию, в связи с вопросом о залогах, весьма скромное место.

Вторая глава (стр. 35—134), одна из центральных в книге, посвящена в и д а м глагола. Автор убедительно доказывает, что во второй половине XVI в. категория вида в русском глаголе в основном сложилась. Как мы полагаем, С. Д. Никифоров выходит за рамки темы, когда, рассматривая виды, останавливается на том, в каком числе стоят глаголы. Так, о примерах *И разбиша многы полаты и пожгоша церкви; Заутра призва Игорь слы. и приде на холм kde стояше Перун и покладоша оружие свое* С. Д. Никифоров пишет: «глаголы *пожгоша, покладоша*, образованные от корней с значением материального действия нерасчлененной длительности, выражают длительное, но цельное м н о ж е с т в е н н о е действие, совершенное многими лицами и охватившее много объектов; пространственное значение (распределение действия на много объектов) здесь довольно слабо» (стр. 43). Замечание о том, что действие совершенно многими лицами, нам представляется излишним.

Большой интерес представляют наблюдения автора над префиксацией как способом образования соотносительных форм совершенного вида от глаголов несовершенного вида. С. Д. Никифоров приводит многочисленные примеры с префиксами *по, с, у, из, вы, на, о, про, раз* из памятников различных жанров, свидетельствующие, что определенные глаголы (автором даны соотносительные пары глаголов — несовершенного и совершенного вида) с префиксом начали выражать исчерпанность действия или процесса. Отмечаются им и случаи, когда префикс сочетает значение совершенного вида с пространственным значением.

Поскольку все примеры — из памятников второй половины XVI в., нет полной картины того, как префиксы стали выражать чисто грамматическое значение. О более раннем периоде автор только замечает: «к эпохе появления у восточных славян письменности подавляющее большинство префиксов, перевода глагол в совершенный вид, сохраняло свое лексическое значение» (стр. 43). Это замечание является слишком общим и не помогает выяснению того, как отдельные глагольные префиксы в сочетании с определенными глаголами теряли свое лексическое значение и как префиксация стала продуктивным способом образования соотносительных форм совершенного вида.

Автор рассматривает все сочетания глагольных основ с тем или иным префиксом в одной хронологической плоскости — в пределах второй половины XVI в., определяя их значение исключительно по памятникам данного периода. Истории изменения значений нет, и это в большой степени снижает ценность выводов С. Д. Никифорова.

Исключительное внимание уделил исследователь беспрефиксным глаголам несовершенного вида. Перечислены, с указанием памятника, все встретившиеся в про-

изведениях второй половины XVI в. беспрефиксные глаголы несовершенного вида, даны соотносительные пары беспрефиксных глаголов совершенного и несовершенного вида с различными суффиксами, а также и соотносительные пары префиксных глаголов.

С. Д. Никифоров, подходя исторически к вопросу о видовой соотносительности, правильно указывает: «В памятниках второй половины XVI в. видовая соотносительность выражена в подавляющем большинстве случаев в префиксных глаголах, так как еще в эпоху создания восточнославянской письменности префиксных глаголов было значительно больше, чем беспрефиксных, а тем более их было больше в XVI в.» (стр. 79—80). Отметим следующее наблюдение автора, подкрепленное убедительными примерами: «В подавляющем большинстве случаев парный (соотносительный) глагол несовершенного вида образуется меной суффикса *и* на суффикс *'а* от таких префиксных глаголов совершенного вида, в которых префикс, переводя однокоренной беспрефиксный глагол в совершенный вид, в то же время сохраняет свое лексическое значение» (стр. 79; разрядка наша.— В. Б.).

Весьма ценным является замечание С. Д. Никифорова о префиксных глаголах *одети — одевати, одолети, одолевати — одолевати*: «Эти этимологически префиксные глаголы в живой речи XVI в. осознавались как беспрефиксные, так как соответственные беспрефиксные глаголы или совершенно отсутствовали в языке (не было глагола *долети*) или имели иную семантику (глагол *дети* = положить, поместить)» (стр. 106).

В дальнейшем автор вновь возвращается к этому вопросу и говорит о глаголах *спросить — спрашивать, спроситься — спрашиваться*, что они «только по происхождению префиксные; они семантически оторвались от глаголов *просить, проситься*, и в XVI в. в них префикс *с* не выделялся (не осознавался)» (стр. 121). То же сказано и о глаголах *сказать — сказывать* (церковнослав. *сказовати*) (стр. 122).

Мимо отмеченных выводов С. Д. Никифорова не должен пройти и преподаватель средней школы. Среди части педагогов средней школы господствует ошибочное мнение, что при определении в средней школе состава слова современного русского языка необходимо производить этимологический анализ, искать древнейшие корни слов.

С. Д. Никифоров останавливается и на выражении видовой соотносительности при помощи образований от разных основ (*положить — класть* и др.), и на использовании описательных выражений (*совет сотворити — советаться* и др.). В разделе об описательных выражениях имеется досадная ошибка. Сначала приводятся два описательных выражения, где, следовательно, нет сопоставления глагола и описательного выражения с глаголом, потерявшим реальное значение: *грех сотворяти — грех сотворити* (стр. 112). Дальше даны два глагола без описательного выражения: *согрешати — согрешити* (стр. 113). Очевидно, на соответствующих местах должно было бы стоять: *грех сотворити — согрешити* и *грех сотворяти — согрешать*.

Говоря об описательных выражениях, автор совершенно правильно указывает: «Необходимо пояснить, что здесь речь идет не о грамматическом явлении (видовой корреляции), а только о том, что в ряде случаев, в зависимости от стилистического намерения автора (или от жанра памятника), одно и то же значение в несовершенном виде выражено глаголом, а в совершенном виде — описательным выражением, или наоборот: в совершенном виде — глаголом, а в несовершенном виде — описательным выражением» (стр. 109). В главе имеются замечания автора об отличии категорий вида во второй половине XVI в. от современного ее состояния, представляющие бесспорный интерес. К этим замечаниям исследователь возвращается и в своих «Выводах».

И в третьей главе, посвященной а к л о н е н и я м (стр. 135—142), автор уделяет большое внимание вопросу о жанре произведений, в которых встречается та или иная форма. Так, в частности, он отмечает, что безударный конечный гласный во 2-м лице единственного числа повелительного наклонения сохраняется в памятниках или разделах памятника книжного характера. Несомненный интерес представляют наблюдения над синтаксическими явлениями — над употреблением личного местоимения при формах ед. числа повелительного наклонения, над оттенками значения условного наклонения в различных предложениях (независимом, главным, придаточном).

В четвертой главе — о в р е м е н а х (стр. 143—185) — автор проследил судьбу всех форм, встречавшихся в древнерусских памятниках, используя материалы письменности XVI в. и более раннего времени (по опубликованным трудам). Он установил, что имперфект и аорист продолжают употребляться во второй половине XVI в. только в книжном языке, что в живой речи употребляется единая форма прошедшего времени. Мы считаем безусловно доказательными те примеры, на основе которых автор сделал эти свои выводы.

Большой интерес представляют наблюдения автора над употреблением будущего времени сложного (от основ несовершенного вида), а именно выводы, что во второй половине XVI в. господствовала форма *с учну (начну)*, что форма *с имам* употреблялась только в книжном языке, что лишь в сочинениях Пересветова, написанных в середине XVI в., но сохранившихся в рукописях XVII в., употребляется глагол *буду*. С. Д. Никифоров правильно указывает на то, что *с буду* встречаются лишь единичные случаи в текстах XVI в.

Заслуживают внимания замечания автора по вопросу о том, могло ли трансформироваться будущее сложное 2-е, в состав которого входит причастие на *-л*, в будущее сложное 1-е, состоящее из вспомогательного глагола *буду* и инфинитива. Этому вопросу приходилось касаться и мне в работе, на которую ссылается С. Д. Никифоров, и Г. П. Ломтеву, чье мнение приведено в рецензируемой книге.

С. Д. Никифоров, исследовав памятники второй половины XVI в., имел основания прийти к выводу, что трансформация не могла произойти, так как «форма будущего сложного 2-го во второй половине XVI в. уже не существовала, а форма будущего сложного 1-го (от глаголов несовершенного вида) в составе „буду + инфинитив несовершенного вида“ встречена лишь в сочинениях Пересветова, сохранившихся в рукописи XVII в.; следовательно, отсутствовавшая в живой речи (в говорах, на основе которых сложился литературный язык) форма не могла создать новую. К тому же значение причастия на *-л*, в живой речи этого времени ставшего единственной формой прошедшего времени, настолько было отлично от значения инфинитива, что его вытеснение инфинитивом, устойчиво сохранявшим свое специфическое значение, не могло иметь под собой никакой семантической базы» (стр. 182).

Весьма скромное место уделено в работе вопросу о категории лица в настоящем-будущем времени (глава пятая, стр. 186—190). Автор остановился на причинах, вызывавших употребление личного местоимения при формах настоящего (и будущего простого) времени, отметил употребление *мы* величия в царских посланиях и грамотах. Рассмотрены также случаи, когда местоимение отсутствует — в примерах, где высказывание по содержанию приближается к обобщенно-личному значению, когда предложение является обобщенно-личным.

Большое внимание уделено С. Д. Никифоровым формам и синтаксическим функциям инфинитива (глава шестая, стр. 191—223), его значениям в качестве главного члена односоставного предложения, значениям инфинитива в сочетании с различными глаголами (модального значения, намерения и др.), с краткими прилагательными (в значении категории состояния) и безлично-предикативными словами. Автор не разграничивает синтаксических функций инфинитива и модального его употребления в функции основных наклонений глагола. В результате в параграфе «Употребление инфинитива в предложении» наблюдения над синтаксической ролью инфинитива часто подменяются наблюдениями над его модальными значениями.

Значительное место отведено в труде С. Д. Никифорова причастиям, деепричастиям и их функциям (стр. 224—334). Таким образом, автор не ограничился только личными формами глагола, а поставил перед собой более широкие задачи. И этот отдел исследования содержит большой и интересный материал.

Остановимся подробнее на одном выводе автора относительно употребления в русских местных диалектах деепричастия прошедшего времени, как правило — от глаголов совершенного вида, в роли сказуемого. С. Д. Никифоров пишет: «Не могу согласиться с следующим утверждением В. И. Борковского: „Тот оттенок значения, который получило в дальнейшем деепричастие при употреблении его в роли сказуемого, повел к превращению второстепенного сказуемого в составное сказуемое, сделал возможным постановку *был*“, так как считают, что неизменяемые предикативные причастия крестьянских диалектов представляют собой наследие кратких причастий — предикатов прошедшего времени совершенного вида древнерусского языка, утративших согласование с подлежащим и ставших неизменяемыми» (стр. 226).

Не вполне ясно, против чего возражает автор. В упомянутой им работе, несколько выше цитируемых слов, говорится: «А. А. Шахматов предполагал, что *он выпивши* могло возникнуть на месте *он есть выпивши* в результате утраты сказуемого.

Полное отсутствие или крайне ограниченное количество форм на *-в* с *есмь* в древнерусских памятниках (мы привели выше, в главе о составном сказуемом, только один пример), что отмечалось А. А. Потебней, не позволяет нам многочисленным случаям употребления деепричастия (без вспомогательного глагола) в говорах возводить к случаям с составным сказуемым, в котором опущен вспомогательный глагол.

Мы полагаем, что употребление в крестьянских говорах деепричастия в роли сказуемого следует рассматривать, сопоставляя с употреблением в древнерусском языке причастия — второстепенного сказуемого². Дальше идет высказывание, которое приведено в рецензируемой книге.

Цитата из исследования С. Д. Никифорова свидетельствует, что он придерживается того же взгляда, какой высказан и автором настоящих строк в его упомянутой книге: в употреблении деепричастия в роли сказуемого в местных диалектах необходимо видеть наследие именных форм причастий действительного залога от глаголов совершенного вида, выполнявших в древнерусском языке функцию второстепенного

¹ В. И. Борковский, Синтаксис древнерусских грамот (простое предложение), изд. Львовского ун-та, 1949, стр. 214.

² В. И. Борковский, указ. соч., стр. 213—214.

сказуемого. Предметом спора, таким образом, является не вопрос, к чему вести современное деепричастие-сказуемое — к второстепенному сказуемому (таков взгляд и нац, и С. Д. Никифорова) или к составному сказуемому (такого мнения придерживался А. А. Шахматов), а положение о том, чем является деепричастие в роли сказуемого в ряде современных местных диалектов — простым сказуемым или именной частью составного сказуемого (в результате имевших место изменений в значении деепричастия при употреблении его в роли сказуемого).

Мы полагаем, что возможность присоединения в современных местных говорах к деепричастию на *-вши* (*-вши*), *-дши* (*-дши*) связи *был* (в некоторых говорах и *буду*) свидетельствует, что в этих говорах деепричастие в роли сказуемого является не второстепенным сказуемым, а составным сказуемым. Повидимому, именно это наше положение, требующее, без сомнения, дополнительных наблюдений над значением деепричастия-сказуемого в местных говорах (каким материалом русская диалектология почти не располагает), и встретило возражения со стороны С. Д. Никифорова. К сожалению, автор не показал, в чем ошибочность нашего взгляда, и не обосновал своей точки зрения.

В отделе о причастиях и деепричастиях много ценных выводов, тонких наблюдений. Бесспорный интерес представляют выводы автора, что местоименные формы причастий настоящего и прошедшего времени действительного залога во второй половине XVI в. употреблялись только в книжной речи, что принадлежностью книжного стиля³ того периода был причастный оборот с местоименной формой причастия действительного залога (в бытовой и канцелярской речи ему соответствуют относительные предложения с союзными словами), что местоименные формы причастия настоящего времени страдательного залога не были свойственны живой народной разговорной речи второй половины XVI в.

С. Д. Никифоров установил, что подавляющее большинство именных форм причастий действительного залога превратилось в деепричастия, но этот процесс еще не был полностью завершён во второй половине XVI в. Большое внимание уделено автором вопросу о синтаксических функциях различных форм причастий и о происшедших изменениях в синтаксической роли отдельных форм. Однако при выяснении вопроса о превращении именных форм причастия в деепричастие следовало учесть и имевшие место морфологические процессы, а не решать вопрос исключительно в плане синтаксическом. Остановившаяся на судьбе причастных форм, С. Д. Никифоров говорит и о безличных оборотах с именной формой причастия прошедшего времени страдательного залога, привлекая данные местных говоров и сопоставляя их со случаями, встретившимися в исследованных автором памятниках.

Несомненный интерес представляют отмеченные автором в «Домострое» конструкции: *А толко у мужа в год все припасено, и роси и пшеницы и овса и гречи; А у доброго человека и у порядливои жены толко пасено в пору* (стр. 323—324). С. Д. Никифоров с полным основанием сопоставляет эти примеры с употребляющейся в местных говорах (встречается в ряде севернорусских говоров и в отдельных среднерусских говорах) конструкцией типа: *У меня уже два платья сношено*.

Весьма ценными являются выводы исследователя о том, что в грамотах причастия, употребляющиеся в терминологическом значении, трансформировались в прилагательные (*верующая грамота, царьствующий град* и др.), что причастия страдательного залога, употребляющиеся без пояснительных слов (*чадо любимое* и др.) или же вошедшие в состав сложного слова — штампа церковного языка (*богоспасаемый град, богоохранимый град* и др.), превращаются в прилагательные. Останавливается С. Д. Никифоров и на таком интересном вопросе, как субстантивное употребление причастий.

В итоге своих исследований автор пришел к важному и вполне обоснованному выводу, что «грамматические категории глагола русского языка к середине XVI в. в основном сложились» (стр. 336).

Книга С. Д. Никифорова, как мы отмечали, не свободна от недостатков. Основным пробелом является то, что автор не смог проследить глагольные формы в их историческом развитии. Тем не менее, несмотря на имеющиеся недостатки, исследование С. Д. Никифорова, посвященное русскому глаголу второй половины XVI в., представляет несомненную ценность для русского языкознания.

В. И. Борковский

Т. П. Ломтев. Белорусский язык, Изд-во Моск. ун-та, 1951. 132 стр.

1

Книга проф. Т. П. Ломтева восполняет один из пробелов в области учебной литературы по белорусскому языкознанию. Основываясь на учении И. В. Сталина о том, что «языковое родство, например, таких наций, как славянские, не подлежит сомнению, что изучение языкового родства этих наций могло бы принести

³ Сохраняем стилистические пометы автора.